

Къ сожалѣнню, произведенія Вячеслава Иванова послѣдняго періода намъ почти что недоступны. Мнѣ случилось ознакомиться, по рукописи, до меня случайно дошедшей, съ замѣчательнымъ его лирическимъ цикломъ — «Человѣкъ», свидѣтельствующемъ о единствѣ людского рода, о древнемъ и новомъ Адамѣ-Кадмонѣ, но я не смѣю говорить подробнѣе

объ этой поэмѣ, столь важной для пониманія духовнаго пути поэта, руководствуясь лишь первоначальнымъ, поверхностнымъ впечатлѣніемъ. Появленія въ печати новыхъ стихотвореній Вячеслава Иванова мы ожидаемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

17 Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Кризисъ совѣтской философіи

1.

Кризисъ совѣтской философіи? Можно ли говорить о «кризисѣ» псевдо-культурнаго явленія? Объ «упадкѣ» или «разложеніи» псевдо-бытія? Вѣдь, какъ мы имѣли случай показать*), «совѣтская философія» есть именно такое «псевдо-бытіе», отдѣльные теченія совѣтской философіи доводятся даже до отрицанія за философіей права на существованіе, большинство совѣтскихъ философовъ во всякомъ случаѣ отрицали наличность какого-либо самостоятельнаго объекта философскаго изслѣдованія. Болѣе того — не только тенденціи отдѣльныхъ — болѣе или менѣе влиятельныхъ — теченій совѣтской философіи являются по существу антифилософскими, но и самый «стиль» работы совѣтскихъ философовъ глубоко враждебенъ для

всякой истинной философіи основному нафосу — духу свободнаго исканія, являющемуся предпосылкой возможности философіи вообще. Философская совѣтская литература должна была быть признана въ значительной своей части антифилософскою именно потому, что свою основную задачу она видѣла огульно не въ исканіи правды, а, считая, что правда уже въ готовомъ, завершенномъ, законченномъ видѣ дана въ произведеніяхъ «основоположниковъ марксизма», свою задачу ограничивала комментированіемъ этихъ произведеній. «Гранитные устои» философской теоріи принимались данными напередъ, и, такимъ образомъ, основная философская работа, задача всякой «*prima philosophia*» — отланіе себѣ «послѣдняго отчета» въ предпосылкахъ философіи, работа ихъ критическаго разсмотрѣнія и провѣрки — напередъ объявлялась ненужною и даже зловред-

*) «Совѣтская философія». «Современныя Записки». 1927, кн. 33, стр. 481 - 501.

ною — «контрреволюционную», «буржуазную». Для основного истинно-философского переживания — для сомнѣнія, изъ котораго только и можетъ вырасти окончательная увѣренность, родиться абсолютная достовѣрность, — въ совѣтской философіи нѣтъ мѣста. Аргументы теоретическіе замѣняются сплошь и рядомъ аргументами *ad hominem*. Въмѣсто мыслей и идей, — передъ совѣтскимъ типичнымъ философомъ — авторы, мѣсто анализа мыслей и идей занимаетъ изобличеніе авторовъ въ тѣхъ или иныхъ политическихъ прегрѣшеніяхъ, въ политической или социальной вредности — или даже только безполезности, — мѣсто сомнѣнія, какъ методическаго принципа, занимаетъ **подозрѣніе**.

Но уже въ первые годы монополярнаго положенія совѣтской философіи обнаружилось, что съ какой-то роковой необходимостью изъ той самой примитивной и элементарной проблематики, которая только и допускалась въ предѣлахъ совѣтской философіи, вырастали одни за другими разногласія и контрверзы. Однако, эти разногласія и контрверзы приняли серьезные размѣры впервые тогда, когда образовалось какое-то — съ бору да съ сосенки собранное — философское поколѣніе, когда оказалось на лицо многообразіе личностей, такъ или иначе пришедшихъ въ соприкосновеніе съ той или иной — хотя бы и урѣзанной и обѣденной — философскою проблематикой. Пока всѣ задачи «философской» работы сводились къ «обличенію» буржуазной философіи, до тѣхъ поръ дѣло обстоило просто, — надо было найти какія-то — хо-

тя бы и весьма случайныя и побочныя, по отношенію къ философскому содержанію очень часто совершенно постороннія, подчасъ измышленные — указанія на неблагонадежность и буржуазность авторовъ критикуемыхъ теорій. Такъ, Гусерль опровергался его — мнимымъ! — католицизмомъ, или католицизмомъ нѣкоторыхъ его учениковъ, философія Дриша оказывалась легко сокрушимой благодаря увлеченію Дриша оккультизмомъ, увлеченію, которое ни въ какомъ отношеніи не находится къ его философскимъ теоріямъ и т. д. Но когда оказалось необходимымъ выступить съ какими-то положительными построениями или по тому или иному поводу что-нибудь положительно утверждать, когда по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ представителей совѣтской философіи подошли къ какимъ-то философскимъ объективнымъ реальностямъ (которыхъ, собственно говоря, имъ полагалось бы не замѣчать, не видѣть, игнорировать), началось то, что я называю «Кризисомъ совѣтской философіи». Сквозь псевдо-бытіе совѣтской философіи, сквозь словесный покровъ комментариевъ къ философски незначительнымъ и неплавающимъ произведеніямъ «классиковъ марксизма» начали пробиваться новыя философскія побѣги, мертвый жезлъ марксизма (или даже псевдо-марксизма) — правда, робко и нерѣшительно — зазеленѣлъ.

Трагедія — или, вѣрнѣе, трагикомедія — совѣтской философіи именно въ томъ, что то, что при другихъ обстоятельствахъ и въ иныхъ условіяхъ оказалось бы расцвѣтомъ и пробужденіемъ,

здесь воспринимается под знаком кризиса и разложения.

Достаточно развернуть новейшие издания советской философии, чтобы увидеть, что начинается какой-то новый период развития советской философии. Может быть, неясны перспективы дальнейшего движения (о них — несколько слов позже), но выступает целый ряд таких явлений, которые указывают и на полное разложение «традиций» и на какие-то пробивающиеся новые настроения и устремления.

Мы остановимся подробнее на лежащих перед нами стенографических протоколах двух дискуссий, дискуссий, которые проведены в чисто коммунистической среде, людьми, не сомневающимися в своей марксистской «ортодоксии» и — следовательно — в праве на монопольное представительство философии вообще. И вот между «ортодоксами», между — как на подбор — «диалектическими материалистами» полемика достигает максимальных степеней остроты. Эта полемика — часто еще в ставшем традиционным в советской философии стиле письма запорожцев турецкому султану (русскому читателю, впрочем, больше памятно традиционное обращение героев русского былинного эпоса к врагам — «уж ты, гой еси, собака-Калинь-царь!»), — письмо запорожцев в тех же тонах, но детализованнее), но часто в ней просвечивают и серьезные разногласия, разногласия основывающиеся на том «существом дѣла», существе проблемы, до которого как-то дорабатывается ищущая мысль, несмотря на поставленную ей препону — в виде «незыбле-

мых основ», всякое уклонение от которых политически не совсем безопасно.

Первая из упомянутых двух дискуссий происходила в конце 28-го или начале 29-го года в харьковском «Институте Марксизма-Ленинизма», вторая — на «всесоюзной конференции Марксистско-Ленинских Научных учреждений» в Москве в апреле 1929-го года. Самый стиль прений различен: в Харькове — глубокая провинция, в которой повсюду каким-то «новым духом» и стала возможною, благодаря этому, жестокая и непримиримая руготня между донимавшим авторитетным руководителем Института и его выучениками, — столкновение целиком личного и случайного характера, показательное для современного кризиса, пожалуй, главным образом, самим фактом своей возможности обнаруживая, что чувство незыблемости устоев нарушено, что пробудилось сознание необходимости самостоятельной работы и самостоятельного мышления. Московская дискуссия (в которой, кстати, принимали участие и харьковцы, но на весьма второстепенных ролях) показывает большее, — кризис имеет не только субъективный, но и объективный характер; под маской марксизма и в формах официально-принятой философской фразеологии пробиваются на поверхность самые неожиданные и сильные от марксизма далекие учения и точки зрения. Несколько лет тому назад один из советских философов издвигал над «парламентом мнений» в «буржуазной» философии. Теперь «парламент мнений», несмотря

на полное сокрушение буржуазной философии, возродился, — в пѣдрахъ самой совѣтской философской ортодоксіи.

2.

Весь стиль харьковской полемики своеобразенъ и показатель. Въ «Більшовику України» появилась въ 28 году «статья» одного изъ сотрудниковъ харьковскаго Института Марксизма-Ленинизма П. Демчука (въ достаточной мѣрѣ безграмотныя писанія этого автора периодически украшаютъ собою страницы органовъ печати Совѣтской Украины), направленная противъ руководителя Института С. Ю. Семковскаго. Слово «статья» я позволяю себѣ взять въ кавычки, такъ какъ гораздо правильнѣе было бы въ данномъ случаѣ слово «донось», какъ явствуетъ изъ самого заглавія этого произведенія: «Какъ проф. Семковскій ликвидируетъ діалектическій материализмъ». С Семковскій послѣ появленія статьи прочелъ въ Институтѣ докладъ, долженствовавшій быть отвѣтомъ на статью Демчука. Докладъ сопровождался обширной дискуссіей, воспроизведенной въ сборникѣ «Воинствующій материализмъ», вышедшемъ по украински въ Харьковѣ весной 1929 года*). Напечатаны однако, только стенографически-записанныя возраженія Семковскому его «обвинителей», только рѣчи, въ которыхъ, по выраженію одного изъ ораторовъ, «крыли»

Семковскаго. Самаго же сообщенія Семковскаго «редакція сборника не могла помѣстить, такъ какъ... оно не стенографировалось, поэтому помѣщается по порядку только выступленія всѣхъ говорившихъ товарищей». Методъ обычный во фракціонной борьбѣ внутри коммунистической партіи! Таковы способы борьбы съ инакомыслящими, перенесенные въ совѣтскую «науку», конечно, изъ совѣтской «общественности»! Затыканіе рта, лишніе права на печатное слово—это, конечно, очень легкой и безопасный для нападающихъ методъ борьбы!

А вотъ каковъ стиль полемики, овѣянной обычною въ совѣтской общественной жизни атмосферой подозрѣнія и доносителства. «Линія Семковскаго», — который самъ — прибавимъ — продолжаетъ считать себя марксистомъ и позже выступалъ не безъ успѣха въ московской дискуссіи, т. е. продолжаетъ считаться марксистомъ и «руководящими установленіями» — «линія Семковскаго» «это линія на идейное обезоруженіе пролетаріата, это линія капитуляціи на милость буржуазной положительной науки». Семковскій не выступаетъ «противъ представителей буржуазной философіи на Украинѣ сущихъ». Мало того — онъ ихъ поддерживаетъ — «въ предисловіи къ своей книгѣ «Діалектическій материализмъ и принципъ относительности» т. Семковскій «считаетъ приятнымъ долгомъ выразить благодарность товарищамъ по работѣ Филиппову, Рудаеву». Между тѣмъ — «Рудаевъ аристотелианецъ, гуссерлианецъ», «Филипповъ обнаружилъ себя черносотеннымъ

*) Дальнѣйшія цитаты изъ Сборника «Воинствующій материализмъ», Харьков. 1929. Томъ I, въ моемъ переводѣ съ украинскаго.

философомъ въ послѣдней статьѣ «Про душу и тѣло». «Можно ли себя представить, что, скажемъ, Ленинъ въ своей книгѣ «Революція и государство» вырази́лъ бы благодарность «товарищамъ по работѣ» — Милокову, Чернову?? Или можно себя представить, чтобы т. Деборинъ выражалъ благодарность «товарищамъ по работѣ» — Лосскому, Шлету. А т. Семковскій это дѣлаетъ». Въ официальныхъ планахъ украинскаго Института Марксизма - Ленинизма, «составленныхъ самимъ Семковскимъ», «въ порядкѣ разработки проблемъ діалектическаго матеріализма—значится докладъ кантіанца Филиппова». Одно изъ выступлений Семковскаго произвело впечатлѣніе, что онъ «подобно Филиппову считалъ ненаучными» замѣтки Энгельса въ «діалектикѣ природы». Выступилъ въ дискуссіи даже одинъ, очевидно, «преданный безъ лести» фізіологъ, который — по собственному признанію — «стоитъ далеко отъ философскаго фронта», но «пожелалъ только упомянуть два факта, мнѣ лично извѣстныхъ — факта, относящихся къ характеристикѣ позицій Семковскаго». Изъ этихъ «двухъ фактовъ» одинъ, однако, быть изложенъ ораторомъ совершенно непонятно (если судить по стенографическому отчету), а другой сводится къ признанію Семковскимъ «своеобразія сознанія» и «возможности вліянія психики на свою основу». «Я не знаю другихъ фактовъ, я не могу слѣдигъ за работою Семковскаго, но эти два пункта даютъ основаніе взять подъ подозрѣніе позицію проф. Семковскаго».

Нѣкоторые изъ оппонентовъ

обнаружили большое демагогическое искусство въ возраженіяхъ этого стіля. Такъ — утверждалъ одинъ ораторъ — «Семковскій приписываетъ себя заслугу основанія и поднятія престижа Марксистскаго Института... Но самъ проф. Семковскій прекрасно понимаетъ, что основателемъ Института является октябрьская революція и наша партія; она же и создала ему престижъ. Я надѣюсь, что тов. Семковскій въ своемъ заключительномъ словѣ исправитъ эту свою очевидную ошибку». «Исправиль» - ли ее Семковскій, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ для его заключительнаго слова въ сборникѣ также не нашлось мѣста. — Неудивительно, что въ преніяхъ выступали, такъ сказать, «свидѣтели» то того, то иного преступленія Семковскаго, слышавшіе собственными ушами, какъ онъ дѣлалъ то или иное инкриминируемое ему высказываніе, — вообще дискуссія принимала по временамъ характеръ судебного разбирательства: «всѣмъ извѣстно, что т. Семковскій и до 1928 года считалъ, что случайность можно понимать только, какъ субъективную категорію». «Я самъ работаю подъ непосредственнымъ руководствомъ Семковскаго — съ осени 1922 года и категорически заявляю, ...что еще до 1928 года — т. Семковскій рѣшительно боролся за то, что діалектическій матеріализмъ — можетъ признавать только субъективную категорію случайности... Другой ораторъ считаетъ нужнымъ намекнуть на меньшевистское прошлое Семковскаго: «Я думаю, что этотъ фактъ, — что тов. Семковскій не понимаетъ вопроса объ объективномъ значеніи слу-

чайности — этотъ фактъ самъ по себѣ не является случайнымъ: онъ, конечно, вытекаетъ изъ той позиціи, на которой тов. Семковскій стоялъ въ продолженіе 30 лѣтъ. — Вся меньшевистская политическая стратегія и тактика не могла не наложить своей печати, не могла не найти теоретическаго оправданія въ меньшевистскомъ пониманіи марксистской методологіи. — Основной грѣхъ меньшевизма — недооценка, непониманіе роли субъективнаго фактора. Большевики, а также и троцкисты — не удѣляютъ надлежащаго мѣста личности въ динамикѣ историческаго развитія партіи, класса...» — Надо кстати замѣтить, что и самъ Семковскій не уклонился отъ подмѣны вопроса о правильности защищаемыхъ имъ мнѣній вопросомъ о своей политической благонадежности. Въ своемъ докладѣ онъ не ограничился только теоретическими соображеніями, но присоединилъ къ нимъ «протоколъ бюро каедръ^{*)}», въ которомъ отмѣчено, что будто бы при каедрѣ за все время ея существованія не было никакихъ расхожденій — ни въ словесныхъ выступленіяхъ, ни въ печатныхъ трудахъ — между руководителями каедръ, т. Семковскимъ и другими работниками каедръ. Эта замѣна спора по со-

^{*)} «Институтъ Марксизма - Ленинизма» входитъ въ сѣть существующихъ на Советской Украинѣ такъ называемыхъ научно-исследовательскихъ каедръ. Рѣчь идетъ, очевидно, о постановленіи президіума Института. Выступили противъ Семковскаго, главнымъ образомъ, сотрудники Института, т. е. работники той же «каедръ».

держанію основныхъ вопросовъ философіи ссылокъ на вынесенныя «соотвѣствующими инстанціями» резолюціи — очаровательно! — Одинъ изъ ораторовъ — другой вопросъ, имѣлъ ли онъ къ этому основаніе — утверждалъ, однако, что «этотъ протоколъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей».

3.

Мы ошибемся, однако, если подумаемъ, что все существо дискуссіи ограничивалось личными и фракціонными политическими разногласіями и бранью. Несмотря на всю философскую наивность большинства ораторовъ, въ нѣкоторыхъ рѣчахъ пробиваются очень существенныя темы. Намъ все равно, дѣйствительно ли сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того только, что прѣхавшій изъ Москвы тов. Голикманъ «открылъ глаза» нѣкоторымъ изъ учениковъ Семковскаго на болѣе сложную и привлекательную проблематику философіи Гегеля, на «Науку Логики Гегеля, какъ на систематическое изложеніе, правда, въ идеалистическомъ видѣ, всѣхъ категорій діалектической логики». Ученики Семковскаго съ удивленіемъ обнаружили, что ихъ учитель «не далъ намъ знанія категорій діалектической логики. Не далъ потому, что и у него самого не было этого знанія». «Подчеркиваю» — говоритъ другой ораторъ — «что діалектика занимаетъ у тов. Семковскаго мало мѣста, но и качество этой діалектики мы должны подчеркнуть. Эта діалектика очень поверхностна. Но и такая діалектика занимаетъ у тов.

Семковскаго очень мало мѣста. Семковскій — утверждаетъ третій ораторъ — «не говоритъ про диалектику. Онъ ее замалчиваетъ; для него диалектика не существуетъ».

«Диалектика», о которой говорить ораторы, не есть только диалектика Маркса-Энгельса. Нѣтъ! Притягательную силу имѣетъ именно диалектика — плохо ли, хорошо ли понятого Гегеля. «Семковскій — аргументируетъ тѣмъ, что Гегеля не стоитъ уже изучать, такъ какъ марксизмъ вообразилъ въ себя все то, что было цѣннаго у Гегеля. — Такое отношеніе къ Гегелю невѣрно и можетъ привести ко многимъ недоразумѣніямъ». Семковскій же нападаетъ именно на «подмѣну» Маркса Гегелемъ, его беспокоитъ, что «у насъ начинается развиваться какое-то младо-гегельянство».

Плохо ли, хорошо ли понята диалектика Гегеля, но она ведетъ во всякомъ случаѣ къ ряду выводовъ, которыхъ нельзя бы было, казалось, ожидать отъ «диалектическихъ материалистовъ», судя по той формѣ «диалектическаго материализма», которая до послѣдняго времени выступала, какъ «ортодоксальная», которая нашла выраженіе, напр., въ работахъ Птсханова, у Л. Аксельродъ, у Бухарина. Остріе недовольства устремлено противъ позитивизма, эмпиризма, механическаго материализма. У Семковскаго, молъ, «есть моментъ суверенности специальной науки надъ философійю; она... подчиняетъ философійю наукъ». Это вызываетъ опасеніе позитивизма, хотя формально тутъ тои Семковскій противъ позитивизма «Семковскій только говоритъ про гегемонное положеніе философій»

— «Есть два типа философій... типъ эмпирика и рационалиста. Эмпирикъ — рабъ фактовъ, рационалистъ — рабъ схемы. Первый плыветъ безъ вѣтриль и руля на волнахъ опыта, второй стремится втиснуть въ Прокрустово ложе своей схемы живую жизнь. Рационалистъ выше эмпирика, такъ какъ онъ принципиальный человѣкъ...» Цитируется Энгельсъ — «эмпирикъ до такой степени втянулся въ привычный ему эмпирической опытъ, что онъ представляетъ себя все еще находящимся въ сферѣ чувственности, опыта, даже и тогда, когда передъ нимъ абстракцій...» — Такъ же рѣзки нападки противъ механическаго материализма. И тутъ не обошлось безъ вліянія недавно изданныхъ замѣтокъ Энгельса къ «диалектикѣ природы», откуда одинъ изъ ораторовъ цитировать даже такое, напр., мѣсто: «матерія какъ таковая — чистое порожденіе мысли и абстракцій».

И какого большаго свидѣтельства пробужденія самосознанія нужно, какъ признаніе одного изъ молодыхъ совѣтскихъ философівъ, что за 4 года работы въ Институтѣ Марксизма «изъ меня вышелъ не научный работникъ, а посредственный пропагандистъ».

Нужно сказать, что этотъ неожиданный психологическій сдвигъ, это «развязываніе мысли», такъ безудержная многоголосица слыбалась возможною, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ двухъ публикацій, доселѣ неизвѣстныхъ произведеній «классиковъ марксизма», произведеній, которыя неожиданно оказались проводника-

ми влияния классической философии немецкого идеализма. Я имѣю въ виду «Диалектику природы» Энгельса (изданную уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ во II-омъ томѣ «Архива Маркса-Энгельса». Москва, 1925) и замѣтки Ленина при чтеніи «Науки Логики» Гегеля (изданныя въ IX-мъ томѣ «Ленинского Сборника». Москва, 1928 г.). «Диалектика природы» Энгельса состоитъ изъ набросковъ натурфилософій чисто - гегельянскаго характера (это примитивнаго позитивистическаго псевдо-гегельянства «Анти-Дюринга», изъ котораго до сихъ поръ черпалась высшая философская премудрость идеями красной философіи «Диалектика природы» переносить насъ въ атмосферу, правда, эпигононскаго, но чистаго гегельянства. — «въ произведеніяхъ Гегеля — обширная энциклопедія диалектики» — читаемъ мы, напр., въ «Диалектикѣ природы». Однако, еще поразительнѣе замѣтки Ленина только недавно извлеченныя изъ-подъ слуда. Писаны онѣ лѣтъ 15 тому назадъ при чтеніи «Науки Логики» Гегеля и — надо сказать — совершенно неожиданно — представляютъ огромный философскій шагъ впередъ въ сравненіи съ наивною и просто скучною книгою Ленина объ эмпириокритицизмѣ. Наибольше примѣчательно въ замѣткахъ Ленина, что имѣ — въ противоположность марксистской традиціи — схвачено въ диалектикѣ дѣйствительно существеннѣйшее ея ядро. Продумываніе ряда мыслей, набросанныхъ Ленинымъ, до конца должно бы было привести къ взрыву «диалектическаго материализма». Но пока эти замѣтки никѣмъ послѣдовательно не продуманы, до

тѣхъ поръ онѣ служатъ только стимуломъ къ изученію самого Гегеля и на этомъ пути приводятъ къ тѣмъ настроеніямъ, которыми мы видѣли въ Харьковѣ и которыя съ гораздо большею остротою прорвались въ Москвѣ.

4

О «большей остротѣ» прорыва новыхъ настроеній въ Москвѣ (на «всесоюзной конференціи Марксистско - Ленинскихъ научныхъ учреждений») мы говорили не по тому, чтобы въ Москвѣ взаимная руготня и грызня достигла болѣе высокой ступени, чѣмъ въ Харьковѣ. Наоборотъ! За сравнительно немногочисленными исключениями и «срывами» въ стиль, очевидно, прочно укоренившійся на почвѣ «совѣтской общественности», въ силѣ намековъ на политическую неблагонадежность противниковъ а то и прямыхъ доносовъ, споры вѣдуться въ плоскости «дѣловой» и содержательной.

О «кризисѣ» говорили въ Москвѣ открыто. Во вступительной рѣчи Деборинъ прямо признавалъ: «мы вступили въ такую «страшную» полосу, когда основныя положенія марксизма для дѣлаго ряда товарищей стали «проблематическими» и «дискуссионными»*). Какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ участниковъ въ дискуссіи «кризисѣ» не оставилъ незатронутымъ и самого Деборина: «вы не

*) Цитаты изъ «Трудовъ второй всесоюзной конференціи марксистско - ленинскихъ научныхъ учреждений». Вып. I Современныя проблемы философіи марксизма. Изд 2-ое. Москва. 1929.

найдете ни одного человека, который бы не отличил Деборина, как он есть сейчас, от то.о Деборина, который писал свое «Введение в философию диалектического материализма» — в 1913 - 14 г. г. Сам Деборин пытался к объяснению кризиса причлечь и какия-то внѣшнія вліянія. Хотя «идеализма, как организованнаго и вліятельнаго теченія у насъ (въ СССР. — П. П.) не существуетъ», но «отсюда еще все не слѣдуетъ, что мы не должны придавать значенія выступленіямъ «вольныхъ стрѣлковъ», т. е. отдѣльныхъ представителей и главарей изъ этого лагеря». Несмотря на отсутствіе вліятельной идеалистической философіи въ СССР, «въ послѣдніе годы замѣчается возрожденіе идеализма (и даже мистицизма) въ естественно-научныхъ дисциплинахъ». «Эта волна идетъ къ намъ отчасти (!) изъ Западной Европы». — Однако, и Деборинъ вынужденъ признать **внутренній** характеръ кризиса советской философіи, несводимой ни къ дѣятельности зловердныхъ «самыхъ реакціонныхъ представителей нашей страны» (имѣется въ виду Лосевъ), ни къ вліяніямъ «буржуазнаго» Запада.

Самымъ опаснымъ врагомъ «диалектического материализма» оказался врагъ внутреннихъ, самую советскую философію выкормленный и вспоенный «механизмъ», «вульгарный материализмъ», но также и позитивизмъ и эмпиризмъ. «Раскройте «Подъ знаменемъ марксизма», раскройте «Вѣстникъ Комкадсмѣи», прочтите философскія статьи, когорыя тамъ пишутъ деборинцы, и вы увидите, что 90% всего матеріала посвящено исключительно критикѣ

механистическаго материализма». «Противъ «механистовъ — направлено — 95% всего, что пишется по философскимъ вопросамъ деборинцами. А противъ идеалистовъ ничего не пишется». Одинъ изъ механистовъ жалуется: «ваша тактика сводилася же къ борьбѣ съ религіей, не къ борьбѣ съ идеализмомъ, а главнымъ образомъ къ борьбѣ съ нами. Объявляете идеалистахъ вы даете самыя легкія рецензіи». Это признаютъ и сами «деборинцы». — «Количество статей, обращенныхъ противъ идеалистовъ, за послѣдніе годы нѣсколько снизилось, потому что намъ нужно было бороться съ вами, съ механистами». «Въ настоящее время намъ приходится бороться съ другими направленіями и съ вами (механистами) въ первую очередь» — констатируетъ Деборинъ.

Еще показательнѣе борьба съ «позитивизмомъ». Это по существу антифилософское направленіе играетъ, напр., немалую роль въ «философскихъ» частяхъ едва ли не основного въ СССР руководства «историческаго материализма», написаннаго Бухариннымъ. Но сейчасъ нападки на позитивизмъ, на «вульгарный эволюционизмъ» (тоже камешекъ въ огородахъ Бухарина) занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ во внутренней полемикѣ, разрывающей ряды представителей советской философіи. — къ позитивизму, молъ, скатываются тѣ изъ механистовъ, которые «стоятъ на почвѣ голыхъ фактовъ», обнаруживая несказуемый страхъ передъ теоретической мыслью», «убѣгая» «огъ теоріи, отъ теоретической мысли». Съ сочувствіемъ цитируется Юозъ — «мы выбрались изъ дремучаго лѣ-

са безразличія, къ которому позитивизмъ сводилъ міровую дѣятельность».

Въ связи съ борьбой противъ позитивизма стоитъ борьба противъ «ползучаго эмпиризма». Характеренъ уже самый терминъ. Характерно и то, что противникамъ эмпиризма приходится уже бороться противъ той позиции, которую эмпиризмъ — конечно, подъ давленіемъ со вѣстныхъ философовъ старой (т. е. 1920 - 28 г. г.) формации — успѣлъ занять, напр., въ школьномъ преподаваніи. «Намъ угрожаетъ въ области математики — ползучій эмпиризмъ. Этотъ «математическій» ползучій эмпиризмъ нашель себѣ пристанище и въ нашихъ совѣтскихъ органахъ. Если просмотрѣть тѣ тезисы, которые выдвинула методическая секція Главноцвса Наркомпроса РСФСР къ предстоящей конференціи педагоговъ - математиковъ, то мы увидимъ тамъ попытки подмѣнить теорію эмпиризмомъ, утвержденія въ томъ (?!), что логическое развитіе математики (напримѣръ, геометріи) не нужно и что оно можетъ быть замѣнено соответствующими экспериментами». Одинъ изъ ораторовъ напомнилъ слова Энгельса, что «эмпирическое презрѣніе къ діалектикѣ показывается тѣмъ, что въ некоторые изъ самыхъ трезвыхъ эмпириковъ становятся жертвою самаго дикаго изъ вѣхъ суевѣрій — современнаго спиритизма». Съ точки зрѣнія «ползучихъ эмпириковъ... существуютъ лишь такъ наз. точныя науки, а всѣ остальныя науки — низшаго достоинства». Выраженіе «ползучій эмпиризмъ» попало даже въ резолюцію съѣзда.

Нападки на «вульгарный материализмъ» материалистовъ діалектическихъ — не новы, мы встрѣтимъ ихъ еще у Энгельса. Но сейчасъ нѣкоторые формулировки идутъ гораздо дальше обычнаго — «мы противъ отождествленія психическаго съ физическимъ, противъ вульгарнаго материализма». Одинъ изъ механистовъ ядовито цитируетъ такія строки одного изъ деборинцевъ — «вовсе не слѣдуетъ всюду совать протяженность. Вовсе не обязательно настаивать на атрибути протяженности для діалектическаго материалиста». «Другіе же ученики Деборна настаиваютъ на атрибути мышленія. Но что получится изъ матеріи, если отъ нея отнять протяженность и оставить мышленіе? Получится движущее мышленіе, т. е. духъ». Это рассужденіе, правда, довольно наивно. Гораздо существеннѣе тотъ фактъ, что потерпѣла неожиданное крушеніе (вѣроятно, въ связи съ изученіемъ подлинныхъ сочиненій Гегеля и замѣтокъ Ленина) одна изъ основныхъ доселѣ формулировокъ «материалистической діалектики», къ которой нѣкоторые писатели склонны были сводить едва ли не весь діалектический методъ. «Количество переходитъ въ качество». Это положеніе, конечно, можетъ быть положено въ основу механистическаго міропониманія. У Гегеля самого оно появляется лишь какъ второстепенное и вспомогательное положеніе и говоритъ, собственно, о возвращеніи количественныхъ опредѣленій въ дою качества, ибо количественныя опредѣленія, съ точки зрѣнія Гегеля покоятся на качественныхъ и изъ

нихъ вырастаютъ *). — Теперь какимъ-то образомъ увидѣли не аутентичность, неподлинность до сихъ поръ всѣмъ «діалектическими материалистами» неустанно повторявшейся формулы — «количество переходитъ въ качество». («Дальше гегелевскихъ количества и качества», — Ъдко замѣчаетъ по адресу діалектическихъ материалистовъ въ одномъ мѣстѣ Лосевъ: «никуда въдъ сунуться не смѣте и не умѣте»). Эта традиціонная формула внезапно объявлена неважной и несущественной. «Понятно... почему первый законъ (переходъ количества въ качество) не считается у деборинцевъ основнымъ закономъ. Въдъ они допускаютъ возможность также качественныхъ измѣненій, которая вообще не обуславливается измѣненіями количественными». «Проблема качества» говоритъ самъ Деборинъ: «имѣетъ огромное, актуальное значеніе. Механисты легко расправляются съ качествомъ, объявляя его просто видимостью и сводя къ количеству». «Мы поставили проблему», говоритъ одинъ изъ «деборинцевъ»: «со отношеній и связи между высшими и низшими формами движенія, подчеркивая необходимость изученія генезиса формъ, тогда какъ механисты выдвинули метафизическое положеніе «качества уже даны» и сводили задачу науки къ анализу и разложенію «уже данныхъ» качествъ. Механисты не поняли и устранили проблему но-

*). См. объ этомъ мою рецензію на книгу В. Асмуса: «Діалектический материализмъ и логика» въ «Современныхъ Запискахъ» кн. 29, 1926, стр. 509 - 516.

воображенія». Въ этихъ — правда, довольно неуклюжихъ, формулировкахъ дано то же отрицаніе основоположности чисто-количественныхъ опредѣленій. А такое отрицаніе есть первый шагъ къ весьма существеннымъ выводамъ.

Конечно, будутъ ли сдѣланы эти выводы, будутъ ли развиты эти мысли — мысли о непространственныхъ и количественно - нехарактеризуемыхъ формахъ бытія — зависитъ отъ многихъ причинъ. Въдъ послѣдовательное развитіе этихъ мыслей съ неизбежностью должно привести къ отрицанію материализма (если со словомъ «матерія» вообще связывать какой - либо смыслъ). Но именно поэтому послѣдовательному мышленію въ этомъ вопросѣ легко могутъ помѣшать какія-нибудь совершенно постороннія обстоятельства: въ первую очередь вѣщная традиція словесныхъ именопланій, — отказъ отъ самого понятія матеріи трудно, такъ какъ придется тогда перестать именовать себя «материалистами». Что **внутренній** разрывъ съ традиціей полнѣй и рѣзкѣй явлію, — объ этомъ свидѣльствуетъ, напр., отношеніе «деборинцевъ» къ основателю русской традиціи «діалектическаго материализма» — къ Плеханову (къ слову сказать, бывшему «крестнымъ отцомъ» перваго произведенія Деборина, снабдившаго Деборинское «Введеніе въ философію діалектическаго материализма» въ 1914 г. весьма лестнымъ предисловіемъ). О Плехановѣ въ дискуссіи говорилось не очень много и не очень для его памяти лестнаго. «У Плеханова было воспріятіе діалектики въ извѣстной мѣрѣ черезъ

призму Чернышевскаго и Фейербаха». «Возьмемъ теперь «Основные вопросы марксизма» Плеханова. Какъ и въ другихъ своихъ произведенияхъ, Плехановъ тутъ обнаруживаетъ очень простое понимание тезисовъ Маркса о Фейербахѣ». «Плеханову думалось, что онъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ долѣтывалъ... «регрессивный метаморфозъ». «Плехановъ не понималъ тезисовъ Маркса о Фейербахѣ во всей ихъ глубинѣ. Гносеологию Маркса Плехановъ въ своемъ сознании перекрывалъ узкой, простой, сенсуалистически - рационалистической гносеологией Фейербаха». Современные марксистскіе писатели упрекаются въ «рабскомъ подражаніи слабымъ сторонамъ плехановскихъ взглядовъ», злокозненные механизмы объявляются «представителями нанудшихъ механистическихъ тенденцій Плеханова».

5.

Конечно, кризисъ былъ бы не кризисомъ, а простымъ крушеніемъ, распадомъ, если бы не могли указать какихъ-то исходныхъ къ какимъ-то новымъ позиціямъ, къ новымъ точкамъ зрѣнія.

Индивидуальные «уклоны», какъ извѣстно, бывали и раньше. Сейчасъ, правда, кажется, меньше стало слышно о попыткахъ «соединенія» марксизма съ Фрейдомъ и, можетъ быть, только во фракціонномъ азартѣ представители разныхъ теченій упрекаютъ другъ друга въ увлеченіи Кантомъ или, напр., витализмомъ. Гораздо существеннѣе другое, — а именно, что на различныхъ пу-

тяхъ въ сознание совѣтскихъ философовъ прокрадываются идеи, вдохновенныя, очевидно, главнымъ образомъ реалистической позиціей Гегеля. Въ современной совѣтской философіи съ удивленіемъ приходится отмѣчать появленіе такихъ проблемъ и такихъ отвѣтовъ на нихъ, «которые многимъ кажутся схоластическими». Въ одной (и въ иныхъ отношеніяхъ любопытной) статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Коммунистической Академіи» анонимной (!), авторъ прямо признаетъ, что «схоластическій реализмъ формально совпадаетъ съ марксизмомъ», «такія вещи печатаются въ «Вѣстникѣ Коммунистической Академіи» даже безъ редакторскаго примѣчанія». Конечно, является полнымъ «отходомъ» отъ традиціонной позиціи русскихъ марксистовъ утвержденіе, что «общее существуетъ въ единичномъ объективно, а не только въ головѣ чловѣка» и, конечно, правы тѣ, кто «расцѣпываетъ» такую точку зрѣнія, какъ «схоластическій реализмъ»*) и родственную «аристотелизму» позицію. «Объективная реальность понятія, которое трактуется не какъ отраженіе общихъ свойствъ вещей, а какъ имѣющее самостоятельное существованіе — это то самое, на что нападалъ Марксъ, когда критиковалъ идеалистическую сторону гегельянства». Дѣйствительно, признаніе объективности бытія «общаго», а не только «единичнаго» и «эмпирически - конкретнаго» есть первый шагъ съ неизбѣжно-

*) На родство марксизма съ средневѣковымъ реализмомъ указывалъ уже П. Б. Струве въ I томѣ «Хозяйства и цѣны».

стью ведущей къ признанію реальности идеальнаго бытія. Сдѣлають ли дальнѣйшіе шаги іа изъ совѣтскихъ философовъ, кто сдѣлалъ этотъ первый, зависить только отъ того, сумѣють ли они быть послѣдовательными, преодолѣють ли они «трусость мышленія», коренящуюся въ ихъ традиціяхъ. Нѣкоторые симптомы того, что послѣдовательности теперь не такъ боятся, какъ то было до сихъ поръ, мы можемъ найти еще въ рядѣ пунктовъ, которые, однако, всё, какъ вокругъ центра, сгруппированы около той же проблемы реальности общаго. Такъ одинъ авторъ (въ упомянутой статьѣ въ «Вѣстникѣ Комм. Академіи») трактуетъ — спиновское интуитивное познание, которое было чистымъ мистическимъ познаніемъ, — какъ познание діалектическаго матеріализма. До сознанія совѣтскихъ философовъ дошла и проблема «структуры» черезъ Gestaltpsychologie. Традиціонный для маокизма детерминизмъ и признаніе причинности единственнымъ типомъ связи въ реальномъ мірѣ также преодолевается подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Гегеля, отчасти — Ленина, въ этомъ пунктѣ совершенно правильно познаніа Гегеля. Ленинъ пишетъ («Ленинскій Сборникъ», т. IX) — «всесторонность и всеобъемлющій характеръ міровой связи лишь односторонне, отрывочно и неполно выражается каузальностью». «Когда читаешь Гегеля о каузальности, то кажется на первый взглядъ страннымъ, почему онъ такъ сравнительно мало останавливается на этой излюбленной кантіанцами темѣ. Почему? Да потому, что для него каузальность

есть лишь одно изъ опредѣленій универсальной связи, которую онъ гораздо глубже и всестороннѣ охватилъ уже раньше, во всемъ своемъ изложеніи, всегда и съ самаго начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы, и т. д. и т. д.» «Каузальность, обычно нами понимаемая есть лишь малая частичка всемірной связи. Деборинъ пытается нѣсколько ограничить значеніе утвержденій Ленина, подмѣняя отрицаніе всеобъемлющей роли причинности вообще утверженіемъ множественности формъ причинности: «наука открываетъ все болѣе сложные типы закономерностей. «Кризисъ» причинности вовсе не означаетъ отрицанія причинности вообще, а только лишь старой е, формы. Неправильно было бы думать, что существуетъ лишь одинъ видъ причинности, одна лишь форма связи въ видѣ механической причинности. Поэтому мы полагаемъ, что въ формѣ «эстетической закономерности» раскрываются болѣе сложные, чѣмъ обычные, типы связей, болѣе сложные закономерности, которые требуютъ серьезнаго изученія и экспериментальнаго изслѣдованія». Во всякомъ случаѣ, разрушена идея о полномъ однообразіи и, такъ сказать, «однотажности» міра, открытъ путь къ признанію многообразія формъ бытія. Не удивительно, что въ рѣчи одного изъ наивнѣйшихъ и упорнѣйшихъ «механистовъ» — Тимирязева-сына встрѣчаемъ прямо паническій вопль о помощи чловѣка, у котораго изъ-подъ ногъ уходитъ единственный устой его мировоззрѣнія — вѣра во всеобщую причинность. Тимирязевъ цитируетъ одну статью Дебори-

на, который — слѣдя Гегелю — настаиваетъ на объективномъ значеніи категоріи случайности. «А что отсюда выходитъ?» восклицаетъ Тимирязевъ: «Все, что способствуетъ развитію социализма—индустриализация, подведеніе высшей технической базы подъ индустрію и сельское хозяйство, строительство колхозовъ и совхозовъ, — словомъ все, что способствуетъ развитію социализма—это оказывается, случайно! (смѣхъ). Нѣтъ, товарищи, тутъ не до смѣха».

До какихъ границъ доходить разбродъ въ настроеніяхъ, покрываетъ тотъ фактъ, что съ разныхъ точекъ зрѣнія и различныя лица подходятъ къ религиознымъ проблемамъ. Въ «полемиическомъ азартѣ» спорящіе выискиваютъ другъ у друга «уклоны», ведущіе къ религии. Въ не разъ цитированной анонимной статьѣ въ «Вѣсти. Комм. Академіи» (замѣчанія одного изъ ораторовъ позволяютъ только догадываться, что авторъ ея — видный коммунистъ) «доказывается» «тріединство Божіе» и статья заканчивается цитатою изъ державинской оды «Богъ!» Деборинъ выискалъ въ работахъ одного изъ «механистовъ» такую цитату — «развѣ можетъ материалистъ утверждать, что имѣются представленія, не соответствующія объективному положенію вещей? Конечно, не можетъ. — Представленіе Бога соответствуетъ объективнымъ процессамъ. Смѣшно думать, что мысли, напр., объ ангелахъ, чертахъ и богахъ появились сами по себѣ. Имѣются объективные процессы, которымъ соответствуютъ наши представленія. Но если адѣсь — больше полемиическаго

азарта, чѣмъ истины, то гораздо основательнѣе, напр., утверженіе, что, исходя изъ «реализма» понятій, слѣдуетъ признать правильность онтологическаго доказательства бытія Божія. Представительница старой традиціи — Л. Аксельродъ-Ортодоксъ въ этомъ именно и обвиняетъ «деборинцевъ» — «деборинцы идутъ быстрымъ шагомъ къ теодицеѣ, выражаясь проще — къ поповщинѣ». Ихъ «главное положеніе, гласящее, что «общія понятія, создаваемые нашимъ мышленіемъ, представляютъ лишь отраженіе того общаго, что есть въ самихъ вещахъ» — является основаніемъ онтологическаго доказательства бытія Божія, во всѣхъ моментахъ этого пресловутаго доказательства».

6.

Мы снова могли бы указать на «Диалектику Природы» Энгельса и на замѣтки Ленина, какъ на основу очень и очень многого — почти всего, что пишется и говорится теперь и что такъ расходится со всѣмъ тѣмъ, что писалось и говорилось еще совсѣмъ недавно.

«Диалектика природы» Энгельса — мало примѣчательное явленіе. Старый гегельянецъ даетъ рядъ весьма и весьма мало оригинальныхъ формулъ гегельянской логики и натурфилософіи. Во всякомъ случаѣ, это — гегельянство — въ противоположность тому псевдо-гегельянскому недоразумѣнію, какое подносилось читателямъ представителями диалектическаго материализма, — съ легкой руки того же Энгельса, до не-

льзя вульгаризовавшего марксизмъ въ «Л. Фейербахъ» и «Алти-Дюрингъ».

Интереснѣе — и имѣли несомнѣнно значительно большее вліяніе — замѣтки Ленина къ логикѣ Гегеля. Для самаго «стиля» совѣтской философіи, разумѣется, очень характерно, что оказалось достаточнымъ, чтобы Ленинъ, читая Гегеля, кое-что въ діалектикѣ Гегеля правильно понялъ и оцѣнилъ, чтобы сразу же оказались «устарѣвшими» всѣ традиціонныя формулы отъ Плеханова до... Деборина, разумѣется, — Деборина 1923 - 24 г. г. — до опубликованія замѣтокъ Ленина.

А Ленинъ, дѣйствительно, многое правильно понялъ въ діалектикѣ Гегеля. Достаточно отмѣтить нѣсколько моментовъ. Ленинъ обратилъ вниманіе на ученіе о конкретномъ понятіи (въ противоположность общему абстрактному понятію), Ленинъ восторгался главой объ «абсолютной идеѣ», дѣйствительно, центральной въ «Наука Логики» Гегеля (и къ слову сказать, — заключительной, — Ленинъ не ограничился чтеніемъ первыхъ десятковъ страницъ «Логики»). Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія, что въ основѣ діалектики Гегеля Ленинъ совершенно правильно усмотрѣлъ принципъ единства противоположностей. Перечисляя 16-ть «элементовъ діалектики», Ленинъ ставитъ пресловутый — и съ легкой руки вульгаризаторовъ (а иногда даже и по видимости «серьезныхъ» писателей) считавшійся едва ли не главнымъ устоемъ діалектики — принципъ «перехода количества въ качество» на 15-мъ, предпоследнемъ мѣстѣ въ этомъ списокѣ, вмѣстѣ съ — также вуль-

гаризаторами излюбленного — «борьбой содержанія съ формой», да еще замѣчаетъ, что оба эти послѣднихъ въ списокъ принципа — только «частные случаи» «9-го принципа діалектики» — «перехода каждаго опредѣленія въ каждае другое»... Неудивительно, что мы теперь ото всѣхъ, кланяющихся именемъ Ленина, слышимъ о «конкретномъ понятіи», о «единствѣ противоположностей». Болѣе удивительно то, что отдѣльные лица высказываютъ совершенно правильное и глубокое пониманіе «единства противоположностей», какъ **въвременнаго** и **въпространственнаго** единства (т. е. по существу идеальнаго единства противоположностей), въ противовѣсъ тому примитивному пониманію, которое упраздняло самую проблему, объявляя единство противоположностей **борьбой въвнѣшнихъ, въвнѣположенныхъ силъ**, т. е. объявляя «противоположности» **въвнѣположенными** (во времени и пространствѣ) моментами, т. е. сводя все «чудо діалектики» въ вульгарнѣйшему и банальнѣйшему утвержденію, что содержаніе діалектики, молъ, только въ томъ, что здѣсь одно, а тамъ другое, что сейчасъ одно, а потомъ будетъ другое (такъ понимаетъ діалектику, напр., Бухаринъ въ своемъ «Историческомъ материализмѣ») *). Теперь за такое пониманіе діалектики зло высмѣиваютъ «механистовъ», сводящихъ де «единство противоположностей къ противоположно - направленнымъ силамъ, противорѣчіе — къ производствѣю», подмѣняяю-

*) См. мою цитированную выше рецензію на книгу В. Асмуса въ «Совр. Зап.», кн. 29.

щихъ единство противоположностей безсодержательнымъ «яли, или, или», и даже Каутскаго, который, молъ, «тоже стоитъ на точкѣ зрѣнія противорѣчій, но не внутреннихъ, а внѣшнихъ». Въ отвѣтъ на это механисты пытаются робко замѣтить съ мѣста — «а мы на точкѣ зрѣнія внутреннихъ стоимъ» и вообще, «не желая «отстать отъ вѣка» утверждаютъ, что и для нихъ «не только гегельянство, не только шеллингианство, но даже идеализмъ Фихте гораздо ближе, гораздо цѣннѣе, чѣмъ формы мышленія Ламеттри, Гольбаха и даже Дидро» или пріять почему-то связываемый съ диалектикой «нормогенезисъ» Берга.

Въ качествѣ примѣра широты взгляда и терпимости къ чужимъ мнѣніямъ служить неожиданно «самъ» Ленинъ, о которомъ недавно сообщалось («Красный Огонекъ», февраль, 1929), какъ онъ, просмотрѣвъ уже во время революціи книгу И. А. Ильина о Гегелѣ, былъ такъ ею увлеченъ, что не только ставилъ ее въ примѣръ «нашимъ», но и настоялъ на освобожденіи арестованнаго Ильина (что, впрочемъ, не помѣшало И. А. Ильину быть вторично арестованнымъ и высланнымъ за границу).

Существенно, конечно, одно — «единство противоположностей» возможно только и исключительно, какъ внѣвременное и внѣпространственное единство. А разъ реальность такого единства будетъ допущена, то допускатся тѣмъ самымъ возможность идеальнаго бытія. Поэтому ученіе о «единствѣ внутреннихъ противорѣчій» — если только оно серьез-

но и до послѣдней глубины будетъ продумано — взорветъ всю систему мысли «диалектическаго материализма». Хватитъ ли силъ у представителей официальной философіи на такую послѣдовательность, — въ этомъ можно, конечно, сомнѣваться.

Однако, Богъ въстаетъ! Можетъ быть, показателемъ уже фактъ, что среди на новыхъ позиціяхъ стоящихъ адептовъ коммунистической философіи мы встрѣчаемъ по большей части все новыя имена (и нѣтъ нѣкоторыхъ старыхъ, къ которымъ мы привыкли), можетъ быть, меньше связанныхъ традиціями и собственнымъ прошлымъ. И среди коммунистическихъ философскихъ публикацій послѣдняго времени можно отмѣтить нѣсколько, какъ будто, дѣйствительно отъ традиціи личной и отъ традиціи течения совершенно свободныхъ. Мы укажемъ здѣсь только на одну публикацію — «Марксизмъ и философія языка. Основныя проблемы социологическаго метода въ наукѣ о языкѣ» В. Н. Волошинова (Ленинградъ, 1929). — Это примѣръ публикации, въ которой марксистскіе исходные пункты автора преодолеваются внутренней необходимостью развитія мысли. Марксистскими остаются, въ конечномъ счетѣ, только нѣкоторыя детали терминологіи. По внутреннему содержанию передъ нами «онтологическая» философія языка, созвучная (мы сравнимъ здѣсь только интенціи, а не «калибръ» и объективную цѣнность работъ) другимъ русскимъ попыткамъ «онтологизма» въ философіи языка — отъ А. Ф. Лосева до о. С. Булгакова. <—

7.

Мы не хотим высказывать слишком оптимистических предсказаний! Достаточно и в московской дискуссии ноты и настроения таких привычных и таких безнадежных! Уже самая задача дискуссии — «принять... определенные решения» по вопросам, по которым «в течение почти пяти лет (!) шла дискуссия», раскрывает передь нами с достаточной яркостью тот факт, что стремление к «внезапному единомыслию» все еще является господствующим. Достаточно рельефно выступает это стремление и в принятой конференцией резолюции, — вбродягну, первой в мир попыткой «резолюцией» разрешить философские споры и затруднения!

Стремление ко «введению единомыслия» проявляется и в утверждениях того или иного типа, что между представителями его «нет никаких разногласий». Стремлением ко введению единомыслия сверху, если понадобится принудительным путем, обличаются и те особенности «стиля» полемики, которая в Москве проявилась меньше резко, чем в Харькове, но отнюдь не отсутствовала и тут. Тут и споры о том, кто может себя с большим правом назвать «диалектическим материалистом», и возмущение тем, что «здесь некоторые товарищи, кажется, желают критиковать Ленина», и доносик на то, что «некоторые товарищи из школы Деборина провозглашают, что — учение Энгельса необходимо подвергнуть ревизии», и попытки убедить слушателей, что «дискуссия закон-

чена», и жалобы на то, что теоретически-инакомыслящие «мешают... разрабатывать теорию», «ограничивают время на дискуссии и диспуты», и обвинения противников то в «справом», то в «лживом» «уклоне». Любопытны и жалобы «механистов» на применяемые в борьбе с ними методы — «в вузах сейчас не дают фактически делать докладов тем, которые выступают против деборинцев; деборинцы на самой конференции, желая создать видимость «окончательной победы» над механистами, вместо споров с самими механистами, «побаловались дискуссией с тов. Окунем». «Мы, рассказывает один из механистов, — заявили, что этого Окуня мы никогда и не считали своим. Мы знаем, что он большой путаник. Они этого Окуня взяли и якобы провели дискуссию с ним», — очевидно, по рецептам обычных в СССР «показательных процессов».

Но два новых элемента в сознание советских философов все же проникли. Это — сознание недостаточности своей научной подготовки, и, с другой стороны, дух беспокойства, наивно выраженный, напр., в таких цитируемых одним из ораторов словах одного аспиранта, «серьезного (?) научного работника»: «раньше как-то было спокойнее, считал себя марксистом, диалектическим материалистом, а теперь этого недостаточно, — надо еще знать, кто такие механисты, кто такие диалектики, нужно знать различие этих точек зрения и т. д., и т. д.». В этом беспомощном «и т. д., и т. д.» звучит угроза той безконечной проблематики, без со-

знанія которой невозможно не только философское творчество, но даже и простое понимание переданнаго философской традиціи. Самый тотъ фактъ, что вступленіе въ сознаніе этой безконечной проблематики ощущается не какъ «благодать», не какъ начало творческаго пути, а какъ угроза, какъ разрушеніе счастливаго спокойствія и беззаботности философской «безвопросности» — уже это показываетъ, что передъ совѣтской философіей сейчасъ — два пути. Не только путь творческаго обновленія, черезъ послѣдовательное до конца продумываніе проблемъ и недоумѣній, выросшихъ уже изъ первыхъ попытокъ отъ повторенія дужить готовыхъ формулъ перейти къ ознакомленію съ философской

традиціей, и дѣйствительному соприкосновенію со сферою философской реальности, но и путь возврата къ антифилософскому «успокоенію» — оба эти пути открыты передъ нынѣ «вопіющими въ пустынь». По какому изъ этихъ путей они пойдутъ, мы не знаемъ. Весь строй совѣтской «общественности», совѣтской партійной и политической жизни говоритъ за то, что второй путь — путь безнадежный и бесплодный — гораздо болѣе вѣроятенъ, чѣмъ путь творческаго изживанія кризиса и выхода изъ него къ новымъ философскимъ перспективамъ. Окончательное омертвѣніе или возрожденіе ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ совѣтскую философію — покажетъ только само это будущее.

П. Прокофьевъ.

Памяти Фридриха Нансена

Фридрихъ Нансенъ былъ однимъ изъ боговѣщныхъ подвижниковъ, рождающихся рѣдко даже на сказочныхъ раздольяхъ сѣверныхъ странъ, гдѣ о лѣтнюю пору солнце не сходитъ съ небосклона и гдѣ зимою ночь заволакиваетъ жизнь. Тамъ возможны были берсереры, тамъ долженъ былъ родиться Фридрихъ Нансенъ.

Дѣтство, отрочество его протекли въ обыденной обстановкѣ, но уже съ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ влеченіе къ приключеніямъ,

*) Отъ древне сѣвернаго Nafne; родъ ведетъ начало отъ конца XVI стол.

Amor et deliciae generis humani.

къ морской стихіи, къ ея сокровенному бытію... Его влекло къ научнымъ изслѣдованіямъ, къ разгадкѣ неизвѣстнаго, — отнюдь не съ цѣлью пріобрѣтенія славы, вѣшнихъ устѣховъ.

Въ статьяхъ, посвященныхъ памяти Нансена, пространно упоминалось о его достиженіяхъ по пересѣченію на лыжахъ Гренландіи, о его знаменитомъ путешествіи къ сѣверному полюсу и возвращеніи въ Норвегію послѣ трехлѣтней «пропажи безъ вѣсти».

Легко представить себѣ воисторгъ, который вызвало преодоленіе Нансеномъ невѣроятныхъ трудностей: на лицо были доказательства дѣйствительной гениаль-